

З РУКОПИСНОЇ СПАДЩИНИ ВЧЕНОГО**ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ВЕНГРИИ И
РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ И УКРАИНСКО-ВЕНГЕРСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVIII – начале XIX вв.*****ШТЕРНБЕРГ Я. И.**

История дружественных связей между Россией и Венгрией мало изучена. Дворянская и буржуазная историография почти полностью игнорировали этот вопрос. Большинство представителей старой историографии в центр внимания ставили все то, что разъединяло народы обеих стран. При этом буржуазные историки, исходя из определенных политических соображений, искажали характер русско-венгерских отношений. Тенденциозно освещал русско-венгерские связи XVIII в. австрийский буржуазный историк Герман Игнатиус Бидерман в книге, выпущенной 1867 году. Он везде видел лишь проiski русского правительства, сводя таким образом всю историю русско-венгерских отношений к проявлению русской экспансии в Венгрии.

Под влиянием шовинистического угара, охватившего часть венгерских историков в начале первой мировой войны, написана статья Андора Шаша «Гвадани и русские», в которой односторонне освещено отношение к России популярного поэта конца XVIII в. Йозефа Гвадани.

Дореволюционная русская историография обращала внимание лишь на отдельные моменты экономических связей между двумя странами в XVIII в.

Систематическое и подлинно научное изучение русско-венгерских связей началось

после освобождения Венгрии от фашизма и установления там народной власти. Из трудов венгерских историков на эту тему следует особо назвать работы Лайоша Тарди.

История культурных связей между Россией и Венгрией уходит вглубь веков. В отдельные периоды средневековья они принимали интенсивный характер. Однако в результате потери Венгрией независимости связи с Россией значительно сократились. Частичное их восстановление относится к началу XVIII в., когда в период антиавстрийской освободительной войны, возглавляемой Ференцом Ракоци, между Россией и Венгрией установились тесные дипломатические отношения. Во второй половине XVIII века сведения о разных сторонах жизни различными путями проникали в Россию и в Венгрию. Казалось бы, языковой барьер служил труднопреодолимым препятствием для культурного общения между русскими и венграми, однако это обстоятельство мешало меньше, чем можно было бы предположить. Труды русских учёных в XVIII веке печатались на латинском и немецком языках. В Венгрии же латинский был официальным языком в XVIII веке и наряду с немецким был настолько распространён среди образованных слоев населения, что русские люди не могли не удивляться этому.

* Цей матеріал був підготовлений Я.І.Штернбергом як реферат з комплексної теми УжДУ "Проблеми світової культури і суспільної думки" у 1980 році і є одним з його розділів. Інші розділи підготовлені викладачами історичного факультету УжДУ Павленком В.Г., Гурницьким К.І., Мандриком І.О., Сопко Т.М., Ганчиним В.Ю. Форма реферата, оскільки він готувався не для друку, а як внутрішньовузівський звіт, не вимагала від автора супроводжувати текст посиланнями на джерела дослідження. Саме у такому вигляді, не втручаючись у текст і не доповнюючи його посиланнями, коментарями тощо, подаємо цю публікацію. Оригінал, виконаний на друкарській машинці і переплетений разом зі статтями інших авторів, зберігається в родині сина професора – І. Я. Штернберга. (Редактор).

В ознайомленні широких кругів руської громадськості з Венгрією одержане певне враження мало появлення перших спеціальних книг, присвячених цій країні. В 1774 г. Петербургська академія наук видала книгу «Королівство Венгерське з прибутими до неї землями», перекладену з німецької мови Петром Ковалевим. В цій книжці, об'ємом близько двохсот сторінок, можна знайти докладні дані про географію, економіку, історію та культуру Венгрії. В наступному році вийшов наступний том компілятивного описання основних європейських країн професора Московського університету тирольця Ф.Г. Дильтея, що містить опис Венгрії та Туреччини.

Інтерес до історії Венгрії проявляли руські вчені: М. В. Ломоносов спеціально вивчав джерела по історії Венгрії та в своїй роботі «Давня російська історія», написаній в 1754-1758 гг., виявив велику освіченість у венгерській мові, а також у питанні про походження венгерського народу. Ідеї М. В. Ломоносова по цьому питанню розвивав академік І. Е. Фішер, який в 1759 г. представив в Петербургську академію особливий доповідь.

На початку вивчення цього питання встановили зв'язок між вченими Венгрії та Петербурга. Ще в 1725 г. відомий історик Венгрії Мат'єас Бел (1694-1749) звернувся до академіка Байкру з листом про походження венгров. Цей лист та відповідь з Петербурга Бел опублікував в 1735 г. в своїй книжці «Матеріали до історії Венгрії». В протоколах Академії ми зустрічаємося з іменами ряду вчених з Венгрії, що послали свої книги або рукописи для розгляду в Петербургську академію наук. Свої книги в дар Академії прислав в 1787 році венгерський вчений Я.Паскич. В 1791 послав на обговорення свої рукописи, отримавши високу оцінку – Паскич був прийнятий в члени-корреспонденти Петербургської академії. В тому ж році Ігнац Мартинович (1755-1795), відомий найбільшій представник прогресивної філософської думки Венгрії XVIII в., в наступному році обраний як керівник

якобінського руху, звернувся в Петербургську академію з пропозицією про переписку та надіслав рукопис своєї праці про властивості кола. Нам вдалося знайти в архіві Академії наук цю неопубліковану працю Мартиновича.

Важко відзначити, що про діяльність Академії наук в Петербурзі добре знали в XVIII в. вчені Венгрії. Професор математики та філософії реформатської колегії в місті Коложварі (Клузь) Дьєрдь Верешто Чері ще в 1735 г., говорячи про необхідність розвитку культури в країні, називав такі осередки науки, як Паризьку, Берлінську та Петербургську академії. Особливий інтерес до діяльності Російської академії з боку венгерських вчених був викликаний схожими історичними умовами двох країн: велика кількість німецької мови та латинської освіти в Венгрії давала їм знати виключно сильно в умовах залежності та підкореності країни. Тому починаючи з середини XVIII в. венгерські вчені все більше цікавилися питанням про створення національного осередку культури та науки. Природно при цьому звертання до досвіду Росії, де в ці роки Академія в Петербурзі розвивала успішну діяльність.

В 1770 г. був розроблений проєкт створення Академії наук в тодішній столиці Венгрії (Братиславі), в основу якого був покладений досвід Петербургської академії. Автором проєкту був відомий просвітник Даниель Терстянський, який взяв активну участь в складанні реформи народної освіти 1777 г.

В докладній записці, поданій на ім'я імператриці Марії Терези, автор детально розглядає статути та діяльність різних академії та розділяє їх на три типи. По його думці, найбільш підходящим для Венгрії є така форма академії, як Петербургська та Берлінська. Терстянський розробив устав проєктуваної Академії. Вона повинна була складатися з чотирьох класів: філософського (включаючого природні науки), гуманітарного, народного господарства та суспільного. Передбачалося запрошення

иностранных учёных, но отмечалось, что нельзя исключать из состава академиков отечественных ученых. Указанный проект учитывал важнейшую особенность русской Академии, заключающуюся в том, что она объединяла педагогические и научно-исследовательские функции. Устав проектируемой Академии предусматривал выделение разряда учеников, которые должны были усовершенствовать свои знания под руководством ученых. Однако в условиях зависящего и угнетенного положения Венгрии подобный план был неосуществим. Характерны аргументы, на основе которых он был отвергнут: академии не призваны выполнять педагогические функции, в стране нет достаточно ученых, приглашение иностранных ученых обошлось бы очень дорого. Наконец, самый важный аргумент – отсутствие денежных средств.

В конце 70-х – начале 90-х годов движение за создание венгерской Академии получает мощный толчок в результате выступлений крупного венгерского поэта и просветителя Дьердя Бешеньеи и учёного Миклоша Реван. В 1790 г. венгерский учёный Шамуэль Дечи выпустил книгу «Паннонский феникс, или воскресший из пепла венгерский язык», в которой значительное место уделено необходимости создания венгерской Академии. На многих страницах книги встречаются упоминания о деятельности русской Академии наук, причем приведены конкретные сведения о её структуре, количестве членов и ее трудах.

Составной частью этой печатной пропаганды в пользу открытия Академии явилась статья учёного аббата Яноша Молнара под заглавием «О трудах, издаваемых учёным обществом в Петербурге». Она появилась в 1783 году во втором томе «Венгерской библиотеки», своеобразного учёного журнала, издаваемого Молнар. Статья написана в форме рецензии на два тома трудов Петербургской академии (первые тома «Комментариев», 1728 г., и «Новых комментариев», 1750). В статье подчеркнуты заслуги Петра I в деле создания академии, перечислены её классы, обязанности академиков

и фамилии первых приглашённых из-за границы учёных.

На основе первого тома «Новых комментариев» автор подробно ознакомил читателей с новым уставом Академии, утверждённым 24 июля 1747 г., и указом Елизаветы. Разбирая несколько десятков параграфов устава и приводя местами пространные цитаты, автор уделяет внимание вопросам оплаты труда академиков и адъюнктов, кругу их обязанностей, деятельности гимназии и университета при Академии, работе кунсткамеры, библиотеки и типографии. Молнар особо отмечал употребление русского языка в Академии, и сведения об этом он выделил под отдельным заглавием: «Поддержка русского языка». Будучи сторонником развития образования на венгерском языке, учёный призывал следовать русскому примеру в развитии науки на родном языке. В этом отношении заслуживает внимания то, что в книге «О явлениях природы по следам учеников Ньютона», изданной 1777 г., Молнар говорит о русском учёном Герасимовиче, прочитавшем праздничную речь по естественным наукам на русском языке. Этот случай преподавания естественных наук на родном языке Молнар ставил в пример венгерским учёным.

Выдвижение способных русских учёных в результате деятельности Петербургской академии отмечал поэт Йозеф Гвадани, творчество которого в значительной степени было направлено против преклонения перед иностранной культурой, за развитие венгерского языка и национальной культуры.

В Венгрию доходили сведения о самых значительных трудах русской Академии в области гуманитарных наук и географических открытий. Высокую оценку на страницах «Венгерской библиотеки» получил выпущенный Академией в 1786 г. первый том «Сравнительного словаря всех языков и наречий». Читатели журнала были также подробно информированы о русских географических открытиях, в частности о путешествиях В. Беринга и А. Чирикова, И. Коровина и Ст. Глотова, П. Креницына и М. Левашова. Читатели журнала могли также узнать о Татищеве и его готовящемся

труде по истории России. В «Венгерской библиотеке» можно было найти также обстоятельную статью о книге «врача доктора, адъюнкта Петербургской академии» Ивана Лепихина «Дневные записи путешествий по разным провинциям Русской империи» (на основе немецкого издания 1774 г.). Говоря о Лепихине, автор статьи отмечает, что тот «везде всё исследовал: травы, деревья, руды, кусты», и в дальнейшем приводит длинные выдержки из книги. В журнале было также дано подробное изложение книги академика Палласа о его путешествии в 1769-1770 гг. (по петербургскому изданию на немецком языке).

Имена русских учёных и ссылки на их труды можно найти и в других научных журналах 80–90-х годов. Имена Палласа, Лепихна, Татищева, а также Гмелина, Рычкова, Лызлова и других фигурировали на страницах журнала («Всякая всячина»), учёный редактор которого лингвист Иштван Шандор, уделял основное внимание в своем журнале вопросам происхождения и древней истории венгерского народа.

Журнал, издаваемый учёным обществом в Комароме («Собрание всякой всячины»), в 1792 г. поместил статью «Население Российской империи», в которой широко была использована книга известного русского географа С.И.Плещеева «Образование Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии» (1787 г.).

Известны были в Венгрии труды М.В.Ломоносова, в частности его работы по истории России. Один из виднейших венгерских историков XVIII в. Дьердь Прай широко использовал работы Ломоносова в своём труде по ранней истории Венгрии, выпущенном в 1774 г. Как установили венгерские историки Б.Лендел и А.Тот, исследовавшие бумаги Прая, он законспектировал немецкое издание произведений Ломоносова и в своей работе местами дословно приводит высказывания великого русского учёного. Впоследствии Прай ссылался на исторические работы Ломоносова и Щербатова в своей поэме, посвящённой присоединению Крыма к России, напечатанной в Пеште в 1787 г. В этом произведении венгерский историк де-

лает на каждой странице многочисленные сноски на источники и литературу и фактически излагает историю России с древнейших времён, отмечая в конце значение присоединения Крыма к России.

Наряду с изданиями Петербургской академии наук в Венгрии были распространены труды Вольного экономического общества. В «Венгерской библиотеке» приводились сведения об основании общества, составе членов и их количестве, а также условиях конкурса, объявленного обществом в ноябре 1780 г. Высокая оценка деятельности общества давалась в 1797 г. в газете «Венгерский вестник». После перечисления статей, помещённых в трудах общества за 1795 г., газета отмечала: «В Петербурге императорское Вольное экономическое общество успешно трудится к пользе не только Российского государства, а всех наций; новое свидетельство этому – статьи, опубликованные им в прошлом году».

В начале 80-х годов появляются первые газеты на венгерском языке, которые уделяют значительное внимание России. Особенно часто появлялись корреспонденции о России в газете «Венгерский вестник», ученые редакторы которой Деметр Герег и Шамуель Керекеш получили сведения о России из первых рук. Они вели переписку с известным ученым и врачом, закарпатским украинцем по происхождению, Иваном Орлаем, проживавшим в Петербурге.

Во время войны России с Турцией 1787-1791 гг., а также во время прохождения войск через Венгрию в 1799 г., газеты уделяли много внимания русской армии и ее успехам. В газетах «Военные и другие примечательные истории» и «Венгерский венский курьер» появились пространные сообщения о взятии Очакова, Измаила и о других победах русской армии. В газетных известиях часто можно было встретить имя Суворова. В 1794 г. в «Венгерской библиотеке» появилась краткая биография полководца. В ней говорилось, что Суворов «природный русский человек», и обращалось особое внимание читателей «на его большую храбрость, проявленную в значительных битвах», благодаря которой «из низкого состояния достиг

самого високого». Автор причисляет Суворова к редким героям и приводит отдельные любопытные эпизоды из его биографии. В заключении сообщалось, что якобы Суворов «почему-то холост и с прекрасным полом отнюдь не дружит».

Несколько позднее, в 1799 г., по случаю прохождения русских войск через страну под командованием Суворова, профессор Пештского университета Дьердь Жигмонд Лакич выпустил на латинском языке книгу под заглавием «Благородная жизнь Суворова-Рымникского, императорско-российского и цесарско-королевского верховного-фельдмаршала». В книге обстоятельно рассказано о детстве и юности полководца, о битвах, в которых он участвовал. Особенно подробно описываются замечательные победы, одержанные над турецкими войсками. В книге помещён оригинальный портрет Суворова работы гравера университетской типографии Шамуэле Бикфальви Фалка. Газета «Венгерский вестник» хваля работу гравера, писала, что портрет: «по мнению сведущих людей, в совершенстве напоминает оригинал».

В 1775 г. в Шопроне появляется книга учёного Ласло Немета «Краткое описание достопримечательнейших стран Европы», в которой значительное место (60 страниц) было отведено России. Опираясь на многочисленные работы русских ученых, широко используя труды Петербургской академии наук и Вольного экономического общества, автор дал обстоятельную характеристику состоянию сельского хозяйства, промышленности, торговли России. Отдельные разделы посвящены состоянию наук и развитию народного образования.

Усиление интереса к России и Венгрии в последнем десятилетии XVIII в. получило отражение и в венгерской художественной литературе. Впервые в ней появляются произведения, темы и сюжеты которых связаны с Россией. В 1790 г. в журнале «Mindenes Gyűjtemény» появилась ода поэта Миклоша Патаки «О взятии Очакова», в которой воспевалась победа русской армии над турками.

Храбрость и выносливость русских солдат восхвалял Йозеф Гвадани в одиннадцатой главе своей известной поэмы «Путешествие деревенского нотариуса в Буду», написанной в 1787-1788 гг. Упомянув о начале войны с турками, автор вкладывает в уста нотариуса такие слова: Многочисленный народ московский тремя армадами вышел на бой, чтобы померяться с турецкой чалмой; уже казаки громко кричат «коли». Далее в поэме дана такая характеристика русского народа: «Нация московская могуча и сильна, не страшны ей ни стужа, ни сильная жара, она переносит все, чужда ей праздная нега; что турки будут побеждены, есть надежда».

Гвадани обращается к русской тематике и в других своих произведениях. В выпущенной в 1792 г. книге «История Карла XII» он уделяет значительное внимание истории России. При этом он не ограничивается известной работой Вольтера о Карле, которая послужила ему основным источником при написании книги. При изложении событий русской истории он опирается на «Поденные записки Петра» (в немецком переводе), на ценность которых как исторического источника указывал автор в предисловии к книге. Использованы в книге также оды Феофана Прокоповича, который, по словам автора, «всегда был рядом с царем Петром».

Значительное место занимает Россия в другой популярной в конце XVIII в. поэме Гвадани о простом венгерском солдате Пале Ронто, написанной в 1792 г. Во второй части герой этой поэмы вместе с венгерским графом Морицем Беньовским принимает участие в военных действиях Барской конференции против русских войск; они оказываются в русском плену, попадают в Киев, Казань, Петербург, потом через Сибирь на Камчатку. Там Беньовский вместе с русскими ссыльными поднимает восстание. Восставшие захватывают судно и на нем совершают в высшей степени трудное и изнурительное путешествие по морям и океанам, в ходе которого пристают к японскому берегу, заходят на Тайвань и в Макао и завершают путь во Франции.

Мориц Беньовський не вимышленна фігура, и вся історія, расказанная в поэмe, [произошла – *ред.*] в действительности в 1771 г. и исторически достоверна. Беньовский рассказал о своих приключениях в записках, изданных впоследствии на многих языках. Гвадани опирался на немецкое издание 1790 г., почти дословно пересказывал содержание этих записок, а местами приводил прозой длинные выдержки из них. В поэме описаны многие местности России, в том числе Центральная и Восточная Сибирь, Камчатка, причём автор в подстрочных замечаниях даёт дополнительные сведения об отдельных городах и губерниях.

Своеобразными памятниками культурных связей между двумя странами являются записки путешественников. В начале 20-х годов XVIII в. любопытное письмо из России в Венгрию своим родным и знакомым в город Сиксо переслал Шамуэль Туркель, работавший на астраханских и дербентских виноградниках. Это письмо было отправлено с одним венгром, освобожденным из татарского плена, и впервые издано в Венгрии в 1747 г. венгерским ученым Иосифом Торкош. Из этого письма мы узнаем, что Туркель первоначально побывал на Украине в Миргороде (Микорн), где он провел зиму у богатого казака. «С помощью этого господина, – пишет Туркель, – доскал в г. Петербург, что на Балтийском море, где и нашел его величество московского императора, и по его величества приказу приступил к изучению московского языка и письма, что и усвоил, и хорошо умею писать и говорить по-московски. И выучив хорошо, стал офицером...» В своем письме Туркель пишет о посещении им Москвы, Поволжья, района Каспийского моря. Он сообщает сведения о «черемысах» (мари), чувашах, мордве, каракалпаках и о тех местах, которые были связаны с древней историей Венгрии.

Шамуэль Туркель действительно был офицером русской армии. Как свидетельствуют русские источники, он принимал участие в Персидском походе в чине «обер-аудитора, а по определении – майора» (в 1735 г. Туркель служил в русской армии в чине капитана).

Интенсивные сведения оставил венгерский католический священник Ференц Калатаи, сопровождавший будущего императора Иосифа II в его поездке по России в 1780 г. Свои впечатления о России он писал в письме к знакомому, в котором рассказано о могилевской встрече Иосифа II с Екатериной II и описаны города, где побывал автор. О Киеве и Могилеве говорится очень кратко, подробнее описаны Москва и Петербург. В Москве Калатаи прежде всего поразило величие города. Перечисляя его примечательности, он с большим одобрением отзывался о московском воспитательном доме, описывая Петербург отмечая неблагоприятные климатические и почвенные условия местности, он вместе с тем высказывает свое восхищение красотой и величием города: «Если человек смотрит на красоту и великолепие города, на его здания или, лучше сказать, дворцы, на величие прежде всего императорских покоев, на прямые улицы, на большие и разнообразные школы, на различные учреждения наук и ремесел, ...на каналы, облицованные квадратными камнями и обнесённые металлическими решетками и если ко всему этому добавить пользы от Невы и близости моря, то Петербург можно отнести к первым городам Европы». Отмечая большой прогресс, достигнутый Россией, он отдаёт должное преобразованиям Петра I. Вместе с тем Калатаи явно преувеличивает рост просвещения и культуры в России и чрезмерно идеализирует «просвещенное» правление Екатерины II.

К 1724 г. относится пребывание в Венгрии студента Киевской академии Василия Григоровича-Барского. Совершая паломничество в «святые места», он прошел пешком Венгрию, побывав в городах Кашша (Кошице), Мишкольц, Гест, Тард, Гатвань, Буда, Эгер, Комаром. «Путешествовахом...через места, – пишет Барский, – в которых народ краткое и тесное одеяние имать, и язык удивительный, его же мы не могохом разумети отнюдь». Барский проявлял большой интерес к архитектурным памятникам и школьному делу. Описывает он и «славный град, именуемый Будим, сидящий над великою рекою Дунаем, возмущенную и беловатую иму-

щим воду». Свои впечатления о стране и ее народе Барский суммировал так: «Ведомо да будет, яко по всей венгерской земли аще и различных верь обретаются людие, обаче вси суть страннолюбивы», т.е. гостеприимны.

Записки Барского были известны задолго до их первого издания в 1778 г. После его смерти в 1747 г. эти записки были переписаны и читались в Киеве многими. Можно допустить, что будущий украинский философ и поэт Г.С.Сковорода также читал эти записки и они, возможно, оказали влияние на его решение поехать в Венгрию. В биографии Сковороды, написанной его другом М.И.Коваленским, отмечается: «От двора отправлен был в Венгрию к Токайским садам генерал-майор Вишневский, который для находившейся там греко-российской церкви хотел иметь церковников, способных к службе и пению. Сковорода, известен знанием музыки, голосом, желанием быть в чужих краях, разумением некоторых языков, представлен был Вишневскому одобрительно и взят им в покровительство». К сожалению, наши сведения о пребывании Сковороды в Венгрии очень скудны. Мы знаем, что он находился там три года – с 1750 до 1753 г. М.И.Коваленский в биографии Г.С.Сковороды, являющейся важнейшим источником для изучения жизни писателя, отмечает, что благодаря покровительству начальника колонии Гавриила Вишневского (сына основателя колонии) Сковорода смог поехать в Вену, Братиславу, Буду и «прочие окольные места». Там Сковорода, «любопытствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми ученостью и званиями отлично славивыми тогда... и способствовался... доставить себе знакомство и приязнь учёных, а с ними и новые познания, каковых не имел и не мог иметь в своём отечестве».

В другой биографии Сковороды, написанной в начале XIX в., говорится, что «во время пребывания в Венгрии он обходил пешком и осматривал все любопытные места, слушал лекции в высших училищах, пользуясь беседами учёных маджаров» (венгров – Я.Ш.). Впоследствии, в 1772 г. Сковорода

тепло вспоминал о «любезной моей Унгарии».

Григорий Сковорода был единственным из студентов Киевской академии, пополнявших свои знания в Венгрии. Историк Н.Петров отмечает, что в XVIII в. среди киевских студентов усилилось стремление «к завершению образования в иноверных или заграничных университетах». Он называет ряд студентов, которые отправились в Польшу, Италию, Германию и даже Англию, и далее отмечает: «Особливую группу малоимущих студентов Киевской Академии, желавших довершить свое образование за границей, составляют студенты, отправлявшие для этой цели в Австро-Венгрию». В 70-х годах и начале 80-х годов мы находим в Венгрии трех студентов Киевской академии, завершающих там образование: Ивана Фальковского, Алрона Пекалицкого и Андрея Ставиского. Все они были связаны с Токайской комиссией.

Наиболее полны наши сведения о пребывании в Венгрии И.Фальковского, ставшего впоследствии видным деятелем культуры на Украине. Он пробыл в Венгрии 8 лет и оставил нам очень интересные и подробные записки. Он отправился туда в 1775 г. вместе с отцом, назначенным священником в Токай. Занимался сначала в Токае, потом в Братиславе. В сентябре 1778 г. он переехал «в город, учением цветущий – Пешт», как он выражается в письме другу (Ставицкому). Здесь на протяжении четырех лет он занимается в гимназии ордена пиаристов. И.Фальковский называет своих учителей, двое из которых: Бернат Беньяк (преподававший историю, философию и логику) и Элек Хорани (читавший всеобщую и венгерскую историю) – были известными деятелями венгерской науки и просвещения конца XVIII в.

В последний период пребывания в Венгрии И.Фальковский изучал экспериментальную физику в Будайском университете. В его бумагах, помимо подробных конспектов лекций, сохранились стихи на латинском и русском языках, а также небольшая работа «Краткое географическое описание Венгрии».

По возвращении на Украину И.Фальковский на протяжении 20 лет преподавал в Киевской духовной академии. Двое его товарищей, обучавшихся в Венгрии одновременно с ним, также были назначены туда преподавателями. «Все эти три лица, – пишет историк академии, – получившие заграничную научную подготовку по таким предметам, которые дотоле или не преподавались, или плохо преподавались в Киевской академии, оказались теперь желанными и нужными для неё наставниками...». Особенно значительную роль они стали играть после проведения реформы народного образования 1786 г., когда они, по словам Пестрова, «оказались наиболее подготовленными и способными к преподаванию нововводимых предметов».

Это связано с самим характером и содержанием реформы, одним из главных авторов и деятелей которой был выходец из Венгрии серб Янкович де Мириево. Прибыв в Россию в 1782 г., Янкович в своей деятельности по проведению реформ народного образования опирался на прогрессивное наследие русской педагогической мысли. В то же время он учёл опыт своей деятельности в Венгрии, в частности, проведённой там в 1777-1778 гг. школьной реформы. Следует отметить, что Янкович, живя в России, поддерживал связь с венгерскими учёными, например, с выдающимся агрономом и педагогом Шамезлем Тешшедик (1742-1820), с которым Янкович вместе работал по проведению реформы в Венгрии.

Янкович не единственный учёный из Венгрии, которому мощный культурный подъём России дал возможность достойно применить свои способности и знания, для которого Россия стала второй родиной. Во второй половине XVIII в. в России работала целая плеяда венгерских врачей. Первый, о ком у нас имеются сведения, был Янош Фабри. В связи с появлением чумы в Турции в 1742 г. на Украине было решено устроить карантинный дом, где первым карантинным врачом стал Я.Фабри, приглашённый в Россию в 1742 г. Он работал в Киеве вплоть до своей смерти в 1750 г.

В 1753 г. приехал в Россию другой венгерский врач Пал Дьендьеш (1707-1770), по русским источникам – Гюйонгюйоси а Петени Павел. Ещё юношей, в 1725 году, он вынужден был покинуть Венгрию вместе с отцом, обвинённым в связях со сторонниками Ракоци за границей. Он занимался философией в Голландии, в Лейдене, а диплом врача получил во Франции. Он был призван в Россию при посредстве русских врачей К.И.Щепина и Н.И.Погорецкого, знавших Дьендьеша по совместной учёбе в Лейдене. В России он работал старшим доктором сначала адмиралтейского госпиталя, а в 1756 г. указом Екатерины II был пожалован в «придворные доктора». Пал Дьендьеш наряду с медициной занимался и восточными языками. Историк русской медицины Я.Чистов говорит о разносторонних знаниях Дьендьеша и отмечает, что после его смерти в 1770 г. в его рукописном наследстве были найдены девять томов записок на восточных языках.

В 1775 г. из Венгрии в Россию приехал врач Христиан Пеккен, родом из лютеранской семьи в Словакии (город Рожнова). Он учился в немецких университетах и по приезде в Петербург, как и Дьендьеша, прошёл экзамен и был назначен военным врачом, а в 1759 г. – главным врачом Петербургского военного госпиталя. Являясь одним из учредителей Вольного экономического общества, Пеккен принимал активное участие в его работе. Он был также автором распространённой книги по медицине “Домашний лечебник” и редактором первого в России труда по фармакологии, при составлении которого он учёл опыт создания подобных работ за границей, в том числе и в Венгрии. Умер Пеккен в Петербурге в 1779 г. Его сын Матьяс Пеккен, так же как и отец, оставил заметный след в истории медицины в России.

Из венгерских врачей самый значительный вклад в развитие медицинской науки в России внес профессор Московского университета Ференц Керестури (1735-1811), родом из города Шарошпатак. Он приехал в Россию в 1762 г. для получения медицинского образования, так как в Венгрии в то время не было ни медицинского факультета, ни специального медицинского учебного заве-

дення. Он учився в Московській госпитальній школі, по закінченні якої був призначений спочатку прозектором, а потім деякий час професором тільки що відкритого медичного факультету Московського університету. С цього моменту і впродовж до своєї смерті, майже 50 років, Керестури віддав розвитку російської науки і підготовці медичних кадрів, надаючи, за словами радянських істориків медицини, «велике вплив на розвиток медичного освіти в університеті».

Вихованим на передових традиціях російської медичної науки такими ученими, як С.Г.Зыбелин, К.И.Щепин і інші, венгр професор Керестури, в свою чергу, виховав багато здатних учнів з російської молоді, ставши докторами медицини (Ф.И.Венсович, Е.И.Грудинов і др.). Наукові праці Керестури по медицині, опубліковані в 1778-1795 гг., отримали високу оцінку в спеціальній медичній літературі. Радянські дослідники відзначають, зокрема, матеріалістичне розуміння ним ряду найважливіших психологічних процесів, що «достатньо, щоб забезпечити роботі Керестури видне місце в історії російської науки XVIII століття». Помер Керестури в Москві і похований на Введенському кладовищі, його могила охороняється державою.

Слід відзначити, що Керестури гордився своїм венгурським походженням. В біографічному словнику професорів і викладачів Московського університету відзначається, що Керестури, поряд з хорошим знанням латинської мови, «не пренебрегал природною мовою своєю». О діяльності Керестури в Росії добре знали в Угорщині. О ньому неодноразово писали венгурські журнали і газети. В 1804 г. А.И.Тургенев в листі до батька з Угорщини писав: «Якщо ви зможете побачити г. Керестури, то скажіть, що місцеві земляки його пам'ятають і хочуть включити в словник вчених венгурсьців».

Венгурські лікарі залишили по собі добру пам'ять в Росії. Вони вигідно відзначилися від тих вчених іноземців, які приїжджали сюди в цілях наживи. Вони зрод-

нилися з Росією, померли тут, віддавши всі сили і знання служенню науці. Часто ризикуючи життям, венгурські лікарі брали участь в боротьбі з епідемічними захворюваннями. Життя карантинного лікаря Я.Фабри підлягало постійній небезпеці. Християнин Пеккен в 1770 г. брав участь в боротьбі проти чуми, що виникла в Смоленську. Ференц Керестури, за словами його російського біографа, в час московської чуми «дуже, з небезпечністю своєї життя, допомагав страждальцям».

Ці лікарі зіграли важливу роль в історії руско-венгурських культурних зв'язів. Багато з них вели переписку з родними і знайомими в Угорщині, інформуючи їх про життя і культуру Росії. Деякі повідомлення, передавані ними, потрапляли в публіку, ставали достоянням широких кіл читачів. Ми вже говорили про переписку І.Орлая з редактором газети «Венгурський вісник». Великі зв'язи з Угорщиною мав Християнин Пеккен, переписувався, зокрема, з відомим венгурським вченим Йштваном Веспремі. Не втрачав зв'язів з своїми венгурськими друзями і Дьєндьєши. В 1756 г., по-видимому, за його запрошенням приїхав в Петербург Дьєрдь Кальмар – «венгурської нації студент», як його називали «Санкт-Петербурзькі відомості».

Дьєрдь Кальмар, відомий внаслідок своїх робіт по лінгвістиці, в Росії встановив зв'язок з багатьма вченими, а також з науковими закладами. В передмові до своєї книги по давньоєврейській граматиці (видаваної внаслідок в 1760 г. в Женеві) Кальмар висловлював вдячність Петербурській академії наук, Кадетському корпусу, «Київській і Московській гімназії» і «радіє її августейшої російської імператриці Михайлу Ломоносову». В архіві Академії наук СРСР в особистій бібліотеці М.В.Ломоносова збережені два екземпляри цієї книги з підписами автора, надіслані «весьма видатному панові раднику Михайлу Ломоносову». Цей дар свідчить про глибоке шанування молодого вченого до Ломоносова, який, по-видимому, надавав йому допомогу і підтримку.

Все эти факты личного общения русских и венгерских ученых принадлежат к важным страницам в истории культурных связей между двумя странами.

* * *

В первой половине XIX века общественные и культурные связи России и Венгрии приобретают более интенсивный характер. Значительный интерес представляют записки русских путешественников, побывавших в Венгрии в первой четверти XIX века. Так, в «Письмах русского офицера» (1805) будущего декабриста Федора Глинки отражены не только впечатления от знакомства с Венгрией, но и размышления о венгерской истории. Национально-освободительное движение куруцев в 80-х годах XVII в. под руководством Имре Телеки Ф. Глинка сравнивает с освободительной борьбой украинского народа 1648-1654 гг. В стихотворении Ф. Глинки «Мечтания на берегах Волги» (1810) руководитель венгерских куруцев фигурирует, как «храбрый вождь», «враг оков и унижения», а само движение рассматривается как борьба «за святость прав отчизны».

Большую ценность представляет книга побывавшего в Венгрии русского офицера В. Броневского, содержащая первый систематический очерк венгерской истории на русском языке, в котором автор выразил горячее сочувствие освободительной борьбе венгерского народа. Имеются сведения, на основании которых можно утверждать о близости В. Броневского к декабристам. Фрагменты из книги в 1824 г. были им прочитаны на заседании «Вольного общества любителей русской словесности», автор был избран почетным членом этого общества. Два отрывка из книги публиковались в 1825 г. в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения». Один из них звучал со страниц декабристского журнала особенно злободневно: он рассказывал о крестьянской реформе в Венгрии Иосифа II, который «уничтожил рабство и объявил народ свободным».

Венгерские историки написали ряд работ о выходцах из Венгрии, переселившихся в Россию и сыгравших заметную роль в рус-

ской общественно-политической жизни первой четверти XIX в. Л. Тарди опубликовал в 1954 г. монографию о Михаиле Андреевиче Балугьянском. Сотрудник Сперанского, первый ректор Петербургского университета, М. А. Балугьянский (1769-1847) многими нитями был связан с декабристами (Н. Тургеневым, В. Кюхельбекером и др.). Он значился в доносе Майбороды, был включен в «Алфавит» членов «злоумышленных обществ и лицам прикосновенным к делу», однако Пестель, Трубецкой, С. Муравьев-Апостол, Н. Муравьев единодушно отрицали его причастность к движению. Советский историк Е. М. Косачевская допускает, что опрошенные декабристы «действовали, возможно, из гуманных соображений» и «участие Балугьянского в первых тайных организациях весьма вероятно, тем более, что названные Майбородой лица действительно принадлежали к Союзу спасения».

Ценность монографии венгерского историка заключается в освещении жизни и деятельности М. А. Балугьянского до 1804 г., т. е. до отъезда из Венгрии. Самым существенным моментом этого периода его биографии было участие в так называемом движении венгерских якобинцев 1794 г., руководители которого во главе с И. Мартиновичем были казнены.

Заслуживает внимания и работа Л. Тарди об И. С. Орлае (1770-1829), украинце родом из Закарпатья, переселившемся в Россию в 1791 г., и оставившем свой след в культурной и общественной жизни страны. Будучи в 1821-1826 гг. директором Нежинской гимназии высших наук, он оказался «замешанным» в так называемом «деле о вольнодумстве». В жандармском донесении И. С. Орлай был охарактеризован как человек, сочувствующий тайным обществам и имевший «сношения с людьми, обличенными в злых умыслах противу правительства». По мнению С. Машинского, только смерть И. С. Орлая «помешала Николаю I расправиться с ним так же, как это было сделано с целой группой преподавателей гимназии».

В центре внимания Л. Тарди период жизни И. С. Орлая до приезда в Россию, его обширные венгерские связи, отношения с дру-

гими выходцями из Венгрии. Кроме И.А.Балугьянского, И.С.Орлай поддерживал тесные отношения с профессором Г.В.Кукольником (1765-1821) и профессором П.Д.Лодием (1764-1829), который был привлечен по секретному деду 1823-1828 гг. «О вредном преподавании философских наук». Близким к И.С.Орлаю был и приглашенный в 1809 г. в Россию стараниями П. Д.Лодия И.А.Фесслер. Его деятельности в России посвящена статья И.Фенъе. Автор обратил внимание на малоизвестный в Венгрии тридцатилетний период деятельности ученого в России, он приводит данные об отстранении И.А.Фесслера от преподавания в Петербургской духовной академии, о его сотрудничестве со Сперанским.

И.А.Фесслер (1765-1839) – автор написанной в России десятитомной «Истории Венгрии», изданной благодаря помощи его русских друзей, в том числе А.И.Тургенева, – активный деятель петербургских масонских лож, к участию в которых он привлек своих земляков – И.С.Орлая, Г.В.Кукольника, П.Д.Лодия. Характерно, что его имя упоминалось в полицейских донесениях о настроениях в Венгрии в связи с декабрьскими событиями 1825 г. в России. Анонимный агент писал о том, что Россия «пожинает плоды идей просвещения Фесслера и его последователей».

Колоритная фигура И.Фесслера привлекала внимание и представителей венгерской буржуазной историографии, а в 1969 г. в Австрии появилась обстоятельная монография о его жизни и деятельности. Однако русский период жизни И.А.Фесслера изучен все еще недостаточно.

Важно подчеркнуть, что не только М.А.Балугьянский, но и другие названные выше деятели так или иначе соприкасались с венгерским республиканским движением 90-х годов XVIII в. Будучи в 1784-1788 гг. профессором Львовского университета, И.А.Фесслер был близко знаком с руководителем венгерских якобинцев И.Мартиновичем. Воздействие этой незаурядной личности испытали на себе И.С.Орлай (который, по данным Л.Тарди, под его руководством изу-

чал физику) Г.В.Кукольник и П.Д.Лодий, обучавшиеся во Львове.

Большой интерес представляют материалы об откликах в Венгрии на восстание декабристов.

В 1825 году в условиях, когда Габсбурги после тринадцатилетнего перерыва вынуждены были согласиться на созыв Венгерского сейма и национально-освободительное движение вступило в новый этап своего развития, известия из России способствовали росту оппозиционных настроений в стране. Декабрьские события 1825 г. в России заставили венские власти прислушаться к требованиям венгерского дворянства. Автор подчеркивает, что после восстания 14 декабря в Венгрии резко усилился интерес к России. Об этом свидетельствуют многочисленные журнальные публикации, а также книги того времени о политическом строе России, русской культуре и т.д. Сочувственное отношение И.Сеченьи к русскому революционному движению разделялось многими его современниками: Л.Кошутом, Ф.Пульски, М. Йокаи и другими представителями политической и культурной жизни Венгрии XIX в., причем у Л.Кошута и Ф.Пульски этот интерес зародился под влиянием А.И.Герцена, с которым они познакомились в эмиграции.

Вопрос о реакции венгерских властей на события на Сенатской площади получил более детальное освещение в монографии академика Э.Андич «Меттерних и венгерский вопрос». В книге характеризуется позиция Меттерниха, который стремился убедить Николая I в опасности роста национально-освободительного движения в Венгрии, ставя знак равенства между ним и восстанием декабристов. Это, по замыслу австрийского канцлера, должно было побудить нового царя пойти на укрепление пошатнувшегося здания Священного союза. Приведенный в книге материал дополняет выпущенную в 1961 г. монографию автора «Союз Габсбургов и Романовых», в которой излагалась предыстория царской интервенции в Венгрии 1849 г. Если в первой работе автор датирует начальный этап подготовки к интервенции 30-ми годами XIX в., то на

основе приведенного в новой монографии материала его можно отнести к 1825 г.

Декабристские сюжеты часто затрагиваются в работах венгерских исследователей, посвященных различным аспектам русско-венгерских связей первой четверти XIX в. Это касается, например, трехтомного издания «Исследование в области русско-венгерских литературных связей». Так, в статье Д. Радо о первых откликах в Венгрии на творчество А.С.Пушкина и о ранних венгерских переводах его произведений отмечается, что первое упоминание величавого поэта в венгерской печати в 1825 г. основывалось на сведениях альманаха «Полярная звезда». Материалы журнала «Полезные увеселения» о Пушкине были почерпнуты из известной статьи А.Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», опубликованной в 1823 г. В венгерском журнале дана двойная ссылка: на декабристский альманах и на английский журнал, опубликовавший пересказ статьи А.Бестужева.

Приведенные материалы о нитях, связывавших Венгрию с движением декабристов, – свидетельство интенсивных общественных

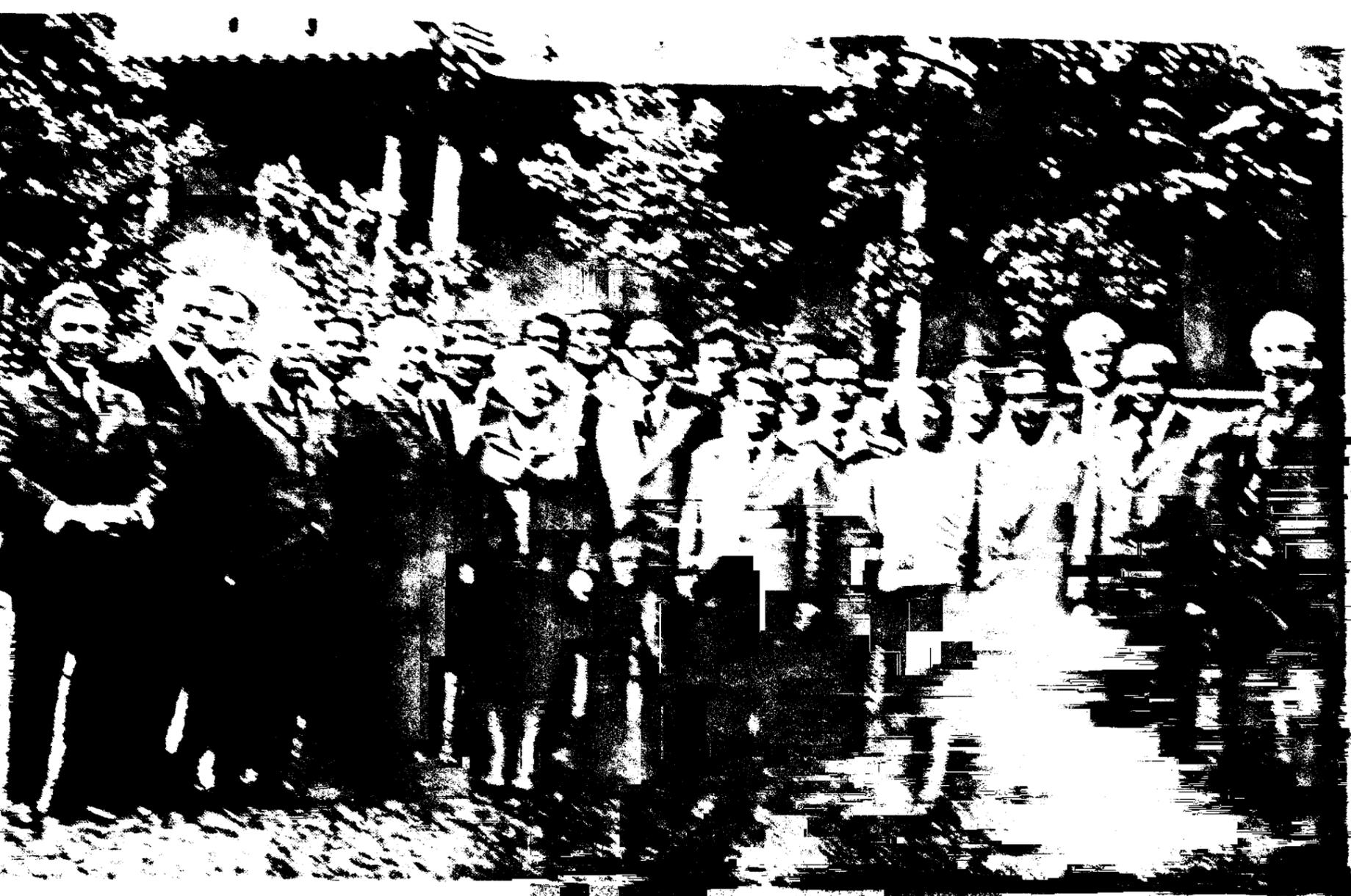
контактов двух стран в первой четверти XVIII века.

Наше исследование о русско-венгерских и украинско-венгерских культурных и общественных контактах XVIII – первой половины XIX вв. – первая попытка собрать и систематизировать [материал по теме – ред.]. В силу этого оно, естественно, не может претендовать на полный охват разрозненного и разностороннего материала. Вместе с тем, из приведенного материала видно, что эти контакты, несмотря на наличие отрицательных факторов, мешавших их развитию, были более значительны, чем можно было предположить на первый взгляд.

Россия и Венгрия, в изучаемый период, обменивались культурными достижениями, и это приводило к взаимному обогащению как венгерской, так и русской культуры. Расширяя и обогащая наши познания в истории русско-венгерских отношений, эти контакты вместе с тем раскрывают нам малоизвестную страницу международных связей России во второй половине XVIII-начале XX веков.

За 1975-1980 гг. Я.И.Штернбергом были опубликованы по теме его исследования такие работы:

1. Изучение истории движения декабристов в Народной Венгрии// История СССР.- Москва.- 1975.- № 6.- С. 200-205.
2. Пугачев в изображении Йокаи// Вопросы истории.- Москва.- 1975.- № 3.- С. 215-219.
3. Йокаи и Пугачев [расширенный вариант статьи на венгерском языке]// Irodalomtörténeti Közlemények.- Будапешт.- 1975.- № 3.- С. 334-340.
4. Казинци и Крибель// Irodalomtörténeti Közlemények.- Будапешт.- 1978.- № 5-6.- С. 673-681.
5. Неизвестные письма Казинци// Kalendárium.-1979.- Ужгород.- 1978.- С. 120-122 (на венгерском языке).
6. Член Венгерской Академии наук (Василий Довгович). Kalendárium.-1981.- Ужгород.- 1980.- С. 35-37 (на венгерском языке).
7. Мир поэзии и дружбы. Поиски и находки.- Ужгород: Карпаты, 1979. (10 печатных листов). Отдельные очерки.

A group of people, including men and women, standing in a line outdoors. The caption is partially obscured by a large black redaction box.

A group of people, including a man in a suit and a woman, standing together. The caption is partially obscured by a large black redaction box.

A group of people, including a man in a suit and a woman, standing together. The caption is partially obscured by a large black redaction box.

Нове побачення
з Будапештом - містом, в якому
так добре працювалось.

Фото В.Падяка.

Професор Штернберг
завжди у центрі
наукових дискусій.
1989-й рік. Міжнародна
наукова конференція,
присвячена 150-річчю
від дня смерті
Ю. Венеліна-Гуші.

Зліва направо:
Ф.А.Куля, В.В.Німчук
(Київ), Л.П.Лаптева
(Москва), В.І.Падяк,
Я.І.Штернберг,
Г.К.Вендиктов
(Москва), Т.Байцура
(Чехословаччина).

Фото з архіву Ф.Кулі.

1980-й рік
Каталонський лаборанти
історичного факультету
УжДУ.
Стоять зліва направо:
Я.І.Штернберг,
В.М.Печора
Сидять справа направо:
В.В.Задорожний,
Г.В.Божук,
М.В.Мячин,
О.Д.Довганич,
І.О.Мандрич

Фото В.Падяка

**Праці
на вшанування пам'яті
про професора
Я. І. Штернберга**